

ГОД ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ.

Студент-Рабочий

ЖУРНАЛ РАБОЧЕГО ФАКУЛЬТЕТА
УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА.

№ 7.

17 сентября 1922 г.

ЕКАТЕРИНБУРГ.

СТУДЕНТ-РАБОЧИЙ.

Журнал Рабочего Факультета Уральского Государственного
Университета, г. Екатеринбург.

№ 7.

17-го Сентября 1922 года.

№ 7.

СОДЕРЖАНИЕ: К празднику рабфаковцев—Р. Дорнбуш. Добро пожаловать—И. Рубинштейн. Учебная организация Рабочего Факультета—Н. Томпофольский. Как организуются студенты Рабфака. Рабфак и высшая школа—Н. Пантелеев. Вступающим Рабфаковцам—М. Сигов. Очередной вопрос—Н. Шушканов. Литературный отдел: В грядущее, стихотворение—А. Потопеев. Из завода в рабфаки—Н. Федотов. Без хлеба (картинки голодного года)—Н. Шушканов. Наука и жизнь: Будущая энергия—З. Папернов, Изучение труда—З. Папернов. К профсоюзам.

К празднику Рабфаковцев.

Рабочие факультеты Советской России 17-го сентября с/г. праздную трехлетнюю годовщину своего существования. Праздник рабфаков является праздником всего освобожденного трудового народа. Постан. Наркомпроса об организации Рабфаков, изданное 17-го сентября 1919 г. имеет не ведомственное только, а всеобщее значение.

Всякая наука—говоря об'ективно—революционна по существу. Это утверждение касается не только группы общественных наук, абсолютно научные исследования Карла Маркса в области политической экономии являются источником революционной энергии многомиллионных масс, оно касается и всех других наук. Так называемые точные науки: физика, химия, математика в своей сущности являются непримиримыми врагами старого, догматического мировоззрения и боевыми пионерами основы революционного мировоззрения—материализма.

Наука—это союзница революции и враг всякого консерватизма, враг контрреволюции.

Вот почему реакция всегда преследовала истинную науку.—Это преследование выражалось в виде фальсификации, опошления, вульгаризации науки, лишения ее того, что в ней является революционной сущностью. Вот почему революция

всегда ревниво ласкала свою союзницу—науку.

Но нужно наукой овладеть. Прежний ее владелец—буржуазия по вполне понятным причинам боялась дать науку в руки тех, кто заинтересован в том, чтобы она существовала в своем истинном революционном значении, чтобы ее не подделывали. Самая система, монополии орудий производства, исключала возможность получить знания миллионам трудящихся, жаждавших этих знаний. Материальная обездоленность несла с собой и культурную обездоленность. Кроме того, мощный агент капиталистической системы—буржуазная государственная власть—еще и путем всевозможных законов ограничений сделала науку недоступной для трудящихся. Буржуазия позволяла иметь им знания лишь постольку поскольку это было для нее выгодно, т. е. необходимо для выполнения той или другой работы в производстве.

Истинная наука, раскрывающая глаза на связь вещей и явлений природы, делает человека способным господствовать над нею, эта наука была такой же монополией буржуазии, как орудия производства и земля.

Овладение наукой происходит двумя способами. Первый заклю-

чается в известной механической способности мозга. Способность эта частью наследственная, частью приобретенная. Дело в том, что систематическое посещение школы в молодом возрасте, систематическое упражнение восприимчивых способностей мозга развивает механические функции мозга, что является более или менее ценной помощью при дальнейшем развитии. Огромная часть пролетариата не имеет этой способности: ей не от кого было ее наследовать, негде было приобретать, теперь же нужно и можно ее приобретать.

Второй способ овладения наукой — более важный.

Тут нужна заинтересованность в том, чтобы наука существовала в своем истинном, революционном значении. Истинная наука, есть самое мощное средство освобождения, поэтому ее ненавидит тот класс, который является врагом освобождения пролетариата, поэтому же ее любит и жадно цепляется за нее тот класс, который заинтересован в своем освобождении.

Этот способ не может быть признан умирающим классом, но носитель исторического будущего — пролетариат обойтись без него не может.

Октябрьская революция была только началом освобождения, она дала нам в руки только средство, с помощью которого мы можем освободиться, Красный октябрь разрушил только вещественный механизм эксплуатации, духовный же механизм ее не только не разрушен, но в своей значительной части еще существует и в условиях НЭП он даже готовится к падению. В таких условиях колоссальное значение имеет такая учебная организация рабочих и крестьян, как рабочие факультеты.

Горячий привет в день третьей годовщины рабфаковцам, сменившим оружие гражданской войны на оружие знания, которое окончательно и безвозвратно освобождает трудовое человечество от всех форм рабства!

Р. Дорнбуш.

Рабфаковец! Помни слова Ленина: „Наша беда не в том, что у нас мало грамотных, а наша беда в том, что у нас учились и многие учатся для себя, а не для общества“.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

„Студент--Рабочий“ так называется Ваш журнал и в этом названии программа того, что Вам предстоит пережить, проделать за время пребывания в стенах Рабфака.

Если-бы Вы были просто студентами и обратились бы к Вам со следующими словами: „Учитесь, постарайтесь за три года с наибольшим успехом преодолеть те трудности, которые предстоят на вашем пути вследствие слабой подготовки, с которой Вы начинаете Ваше дело на Рабфаке“. Не отвлекайтесь в сторону от ученья, знайте, что каждый потерянный день отодвигает от Вас проникновение в высшую школу, куда Вы стремитесь“.

Но вы не „просто студенты“. Вы студенты, большей частью, перешедшие к нам непосредственно от станка, машины, сохи. Позади Вас—тяжелая, кровавая борьба Ваша и Ваших старших братьев, отцов за право и возможность учиться. Вас сопровождает победоносная революция, предъявляющая свои требования, налагающая свой отпечаток на смысл, характер и цели Вашего учения. Вы—студенты рабочие.

И к Вам речь другая: „Учитесь, товарищи, каждый день—дорог.“

Пролетарская Республика нуждается в красных бойцах, овладевших знаниями, техникой, наукой. На сторожевых постах Рес-

публики стоят Ваши братья, сильные волей, крепкие духом, не выпускающие из рук винтовки в ожидании смены. Они с надеждой, верой смотрят на Вас, которые могут бороться не только силой оружия и революционного энтузиазма, но и силой знания.

Фабрики, заводы, земля и ее недры—все это **наше**. Чтобы удержать все это в наших руках, нам нужны свои техники, инженеры, администраторы, врачи, судьи. Ими должны стать Вы.

Революция открыла вам двери Высшей школы, чтобы овладеть ею, нужна еще борьба, ибо пока еще высшая школа только физически в наших руках. Весь, накопленный веками опыт науки, свет знания пока сосредоточен в головах у представителей класса, медленно шаг за шагом уступающего свои позиции.

Эти знания и позиции нужно еще завоевывать. И вот сознание того, что Вы не просто учитесь, а боритесь во имя лучшего будущего не для себя только, а для делеги-

ровавшего Вас класса, а с ним и человечества—это сознание должно заполнить все ваше существо. **Борьба не в одиночку, а в тесной сплоченности с товарищами внутри и вне Рабфака.** Объединенные в профессиональные ячейки, одухотворенные животворящим влиянием Российской Коммунистической Партии, Вы будете черпать необходимые для этого методы и нравственные силы.

О том, что Вас ждет на Рабочем факультете, какие труды и, возможно, лишения Вам придется преодолеть, о том, как жить и что делать, чтобы в положенное время добиться нужных результатов, скажут нижеследующие статьи и заметки, а пока с твердой уверенностью в том, что Вы окажетесь достойными студентами-рабочими, приветствую ваше вступление в Рабочий Факультет.

Добро пожаловать!

Н. Рубинштейн.

С первых дней усвойте трудовой распорядок Рабфака, без перебоев в ногу со старыми Рабфаковцами за работу!

Учебная организация Рабочего Факультета.

Несмотря на широкую популярность Рабочего Факультета в области Урала, среди массы вновь поступающих слушателей найдется немало таких, которые все же имеют не ясное представление о тех специальных целях, которые преследуются факультетом, являются основной задачей его существования, и ради которых их командировали на факультет. Между тем, эти цели необходимо знать каждому, вновь поступающему; каждый рабфаковец должен отдавать себе ясный отчет, какие требования предъявляет к нему Республика, предоставляя ему возможность учиться на факультете. И эти цели находят себе совершенно определенную формулировку в положении о рабочих факультетах. Рабочий факультет, при многих особенностях своей организации, ничто иное, как, не имеющая самостоятельного значения, подготовительная школа для взрослых. И, в этом заслуга Уральского Рабочего Факультета, он раньше многих других, и совершенно независимо от указаний цент-

ра, самого долгое время блуждавшего в поисках определения действительного назначения рабфаков, один из первых в Республике наметил правильную линию своей деятельности. Не уклоняясь в стороны, как это было с большинством одноименных учреждений, Уральский Рабфак с самого начала своей организации поставил себе простую и ясную задачу: подготовки лиц пролетарского происхождения и состояния в высшую школу. Благодаря этому, наш Рабфак избежал той путаницы и крайней сложности учебного плана и программ, которая вообще была характерна для первого времени существования Рабочих факультетов. Сообразно с ускоренным трехлетним курсом, еще весной 1920 года в основных чертах был набросан, а после переработки осенью того же года, был принят Академическим Советом и с небольшими изменениями применяется в настоящее время учебный план в следующем виде:

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ	1 семестр.	2 семестр.
Русский язык и литература	10 час.	8 час.
История культуры и история древняя и средняя	4	4
Обществоведение	2	2
География	2	2
Математика	12	12
Природоведение	4	4
Рисование	2	2
Черчение	—	2
В С Е Г О	36 час.	36 час.

ВТОРАЯ СТУПЕНЬ	1 семестр.	2 семестр.
Русский язык и литература	5	5
Обществоведение	4	4
История всеобщая и русская	4	4
Математика	10	10
Природоведение	4	4
География	2	2
Физика	4	4
Языки	2	2
Черчение	1	1
В С Е Г О	36 час.	36 час.

ТРЕТЬЯ СТУПЕНЬ	1 семестр.	2 семестр.
Русская литература	5	5
Математика	6	6
Физика	4	4
Химия	2	2
Анатомия и физиология человека	2	2
Обществоведение	4	4
История	4	4
Языки	2	2
Черчение	1	1
В С Е Г О	30 час.	30 час.

Для факультативных предметов 6 час. 6 час.

Курс первой ступени по своему объему и содержанию в общем соответствует курсу трудовой школы 1-й ступени (по прежней номенклатуре—курсу Высшего Начального Училища или 4-м первым классам средней школы). Курс второй ступени—первым трем классам школы 2-й ступени; и курс третьей

ступени, который помимо общих предметов, обязательных для всех слушателей Рабфака, предусматривает еще специальные циклы дополнительных предметов по отделам: гуманитарному, естественно-научному и техническому, в зависимости от выбора выпускаемыми студентами того или другого из

Академических факультетов, завершает общеобразовательную подготовку. Как видно из сделанного краткого обзора учебного плана в курсе Рабфака отведено место только самым необходимым знаниям в строгих пределах систематической подготовки в Высшую школу.

Второе, на чем необходимо остановить внимание вновь прибывающих в стену школы товарищей, это на системе внутреннего управления факультета. (О специально студенческих органах управления см. ст. „Как организуются студенты рабфака“).

Во главе всего учреждения, в качестве Центрального органа, вокруг которого сосредоточивается вся работа по направлению и контролю над нормальным действием академического аппарата, находится Президиум Факультета. Президиуму Факультета подведомственны и подотчетны все, без исключения остальные органы, функционирующие внутри учебного заведения. Президиум Факультета, в лице своего Председателя, Заведующего Факультетом представляет также Рабфак во внешних отношениях и является единственно ответственным за надлежащее состояние учебного заведения перед Отделом Рабочих Факультетов, Центральным органом Управления Рабочими Факультетами Республики.

Все остальные части по ведению академической жизни Факультета, в зависимости от характера выполняемых ими функций, могут быть подразделены на две категории: учебно-административные и учебно-научные. К числу первых относятся: Президиумы Предметных Комиссий и Президиумы групп; и к числу вторых — Предметные Комиссии и их секции.

На обязанности Президиумов Предметных Комиссий, выбираемых на Общем Собрании Комиссии сроком на один год в составе двух преподавателей и одного студента, помимо руководства работами самой Комиссии, лежит также непосредственное наблюдение за надлежащим состоянием преподавания в отдельных группах. Они являются ответственными за успешность и нормальное течение учебных занятий, как со стороны выполнения принятых на Факультете курсовых программ, так и со стороны методов преподавания. Что касается Президиумов групп, выбираемых на Общем Собрании каждой в отдельности группы

сроком на один семестр, в составе одного преподавателя (Заведующего учебной частью группы) и двух студентов, то деятельность их направляется, главным образом, на поддержание должного порядка и товарищеской дисциплины в представляемых ими группах. На них возлагается ведение отчетности учебной работы, наблюдение за посещаемостью занятий, за выполнением учебных обязанностей студентами группы и прочее. Предметные Комиссии и Секции выполняют работу преимущественно научного значения. Компетенцию их составляют вопросы, вытекающие из практического применения действующих на Факультете учебных программ, усовершенствование методов преподавания, учебный план и прочее.

Кроме перечисленных выше, постоянно действующих органов, на факультете имеется ряд других, созываемых периодически, по мере надобности, в зависимости от тех или других конкретных обстоятельств. Сюда относятся: 1) Совет факультета, служащий главным образом для связи с Профессиональными и партийными организациями, в котором, поэтому, значительное число мест отводится представителям этих организаций; 2) Академический Совет (расширенный Президиум, куда кроме членов Президиума факультета приглашаются Президиумы Предметных Комиссий), созываемый для разрешения особо важных вопросов учебной жизни; 3) Учебный Совет Президиумов групп, созываемый обычно в случаях необходимости выяснения учебных занятий на факультете и 4) Советы групп, созываемые не реже одного раза в семестр для подитоживания учебной работы, произведенной в отдельных группах.

Характерной особенностью академической организации нашей школы, в отличие от прежней, дореволюционной, является товарищеское объединение учащихся и учащихся в совместной работе. Нет ни одного органа из всех выше указанных, в котором бы не признавалось обязательным самое широкое участие студенческих представителей. Начиная с президиума факультета и кончая президиумами групп, этой фундаментальной ячейкой всей системы управления учебной жизнью факультета, студентам предоставляется неограниченная возможность влияния на весь строй академической деятельности факультета, выявления

творческой инициативы в деле дальнейшего развития и укрепления рабочей школы.

Переходя к следующему вопросу о состоянии Рабочего факультета, мы еще раз напоминаем товарищам студентам, что предоставленное им право должно быть полностью ими использовано, что только при их активном участии в организационном и учебном строительстве Рабочий факультет выполнит свое назначение.

После тяжелого и продолжительного кризиса, пережитого Рабфаком в течении прошлого учебного года, когда крайне неблагоприятное материальное положение грозило самому его существованию, когда число слушателей, под давлением отчаянной голодовки, с 761 15 марта 1921 года сократилась до 459 к 15 марта 1922 года, факультет снова почувствовал под собою твердую почву. Этот день, день второй годовщины существования факультета, следует отметить, как день перелома. Голодовка окончилась, а вместе с ней приостановился процесс разложения факультета. В связи же с переходом к более или менее нормальным условиям существования Факультета, вместо прошлогоднего первого ноября, факультет приступает к занятиям в установленный срок—1-сентября; причем имеются все данные, что к 15 сентября, вместе с завершением приемных испытаний для вновь поступающих и с окончанием перегруппировок в действовавших группах, с доведением их до полного комплекта (30 человек каждая), академическая работа на факультете будет возобновлена полностью.

Всего к 1-му июня, ко времени объявления весеннего перерыва, на факультете числилось 426 студентов. По своему социальному положению они распределялись следующим образом:

рабочих	218
крестьян	106
служащих	102

Из них 121 принадлежали к членам РКП и 61 к РКСМ. Что касается учебной части, то всего на факультете перед каникулами функционировало 20 групп, из них 10 первой, 6 второй и 4 третьей ступени.

Параллельно с началом приемных испытаний, учебный отдел заканчивал большую работу по производству выпускных экзаменов, оканчивающих 4-х групп 3-й ступени. Впервые в этой работе, в качестве непре-

менных и постоянных членов испытательных Комиссий принимали непосредственное участие представители научных кафедр Университета и Губернского Отдела Народного Образования. (Последние специально на испытаниях по русскому яз. и литературе, ввиду отсутствия в Университете соответствующей кафедры).

И, как те, так и другие, что с глубоким удовлетворением отмечает президиум факультета, свидетельствуют в своих заключениях, что наши студенты, не говоря уже о своем развитии, оставляющем далеко за собою выпускники прежней и современной средней школы, по своей учебной подготовке не только превосходят абитуриентов современной школы 2-й ступени, но и во многих случаях значительно выше прежних гимназистов и реалистов.

Всего в выпускных группах состояло 73 ч. Из них выбыло по тем или другим обстоятельствам, большей частью по болезни 11. Подвергалось испытаниям 62. Выдержало и получило соответствующие удостоверения 58. По своему социальному положению они распределяются на следующие группы: рабочих—31; крестьян—9; не фикс. труда—18.

Это по счету третий выпуск рабфаковцев Уральского Рабочего факультета.

Наступающий учебный год мы встречаем с радужными перспективами. Сплоченное рабочее и работоспособное ядро старого студенчества, прошедшее через горнило самых тяжелых житейских испытаний и через двойную чистку: классовую и учебную, новое студенчество, подвергшееся также тщательному классовому и учебному отбору, высоко квалифицированный, освоившийся со специфическими особенностями работы в условиях рабочей среды, состав преподавателей; двухлетний опыт работы управляющих органов факультета,—все это создает в нас уверенность что в предстоящем учебном году Рабфак заживет полной жизнью. Но организациям, имеющим попечение о факультете, все же не следует забывать, что одним из существенных условий успешности работы является материальное благосостояние школы, и что вторичного кризиса, рецидива прошлогодней болезни, он может и не перенести.

Н Томпофольский

Как организуются студенты Рабфака.

Коренное отличие пролетарской школы от буржуазной заключается в том, что пролетарская школа основана, живет и развивается самостоятельностью рабочего студенчества. Студент рабфаковец не только занимается учебной, но и строит школу, участвует в повседневной черновой работе, начиная с заготовки дров для своих общежитий и аудиторий и кончая участием в академической работе и в управлении школой.

В буржуазной школе студенчество не участвует непосредственно в ее строительстве, оно не обслуживает самого себя, не заинтересовано во всех мелочах школьной жизни и работы. Школа здесь сама по себе, а студенчество хотя и бывает в ней, но оно далеко от нее. Да если бы студенчество и захотело заинтересоваться всеми вопросами, которыми оно интересуется сейчас, то «благоразумное» правительство указало бы ему «надлежащее» место.

Это совмещение учебной работы студента-рабочего и работы по строительству своей школы являет собой поистине еще невиданный в мире опыт.

Нижеприведенные основные пункты положения о студенческих органах на Рабфаках (глава VII Положения о Раб. фак.) дают достаточное представление о том, какое большое влияние студенты Рабфака, объединенные в своих организациях, могут осуществлять во всех областях работы факультета.

64. Основными студенческими органами являются:

а) общее собрание студентов;

б) студенческий комитет;

в) групповые тройки. (У нас два члена президиума группы или группы тройки—студенты, третий—преподаватель).

65. Все студенческие организации собираются во внеурочное время, уведомляя о собрании президиум Рабфака.

68. **Общее собрание** студентов является высшим органом студенчества: а) обсуждает все основные вопросы учебной и общественной жизни студенчества; б) заслушивает доклады и отчеты о работе о различных студенческих органах; в) избирает общестуденческий исполнительный орган—студенческий комитет; г) выдвигает представителя в президиум Рабфака.

69. Общее собрание созывается по постановлению студкома по мере надобности, но не реже одного раза в месяц.

Примечание: Общ. собрание может быть создано и по инициативе самого студенчества, но не менее $\frac{1}{3}$ его, а также президиума Рабфака.

70. Все постановления общего собрания и студенческого комитета, касающиеся учебной и административно-хозяйственной жизни Раб-

фака проводятся в жизнь лишь после утверждения президиума Рабфака.

71. Общее собрание студентов имеет право обжаловать действия президиума Рабфака в отдел Рабфаков Главпрофобра.

72. **Студенческий Комитет (Студком)** руководит текущей работой всех студенческих органов Рабфака.

73. Студком избирается в количестве не более 20 членов, сроком на триместр (семестр).

74. Студком выделяет: а) президиум в составе 3—5 членов; б) конфликтную комиссию (3—5 членов); в) культурно-просветительную комиссию (у нас Политпросвет) и др. по мере надобности. Все эти органы периодически отчитываются перед Студкомом.

76. Студком собирается по мере надобности, но не реже одного раза в неделю.

77. **Президиум Студкома:** а) устанавливает специальные дежурства своих членов, принимает все заявления студентов и направляет их в соответствующие комиссии, ведет текущую работу, подготавливает материалы для заседаний Студкома, комиссий и общих собраний.

б) Организует выборы членов президиумов групп, выборы от студентов в президиум Рабфака, в Совет Факультета, предметные комиссии, и т. п.

в) Ведет ежедневные наряды на все дежурства и назначает студентов на работы, проводимые в порядке трудовой повинности.

79. В задачу **конфликтной комиссии** входит разбор всех конфликтов между студентами.

Примечание: При конфликтах между студентами и сокурсниками Рабфака конфликтная комиссия составляется на паритетных началах. Все решения конфл. ком. поступают на рассмотрение президиума Рабфака.

Вместо культурно-просветительной комиссии у нас существует **Политпросветком**, в котором сосредотачивается политпросветработа на факультете по заранее выработанным и утвержденным Студкомом и Президиумом Рабфака планам. Политпросветком может привлекать для работы—кроме студентов—преподавателей, а равно и силы извне Рабфака.

Политпросвет нашего Рабфака имеет свой клуб и читальню.

В задачи членов **президиума группы**—студентов входит:

а) учет посещаемости занятий студентами данной группы;

б) поддержание дисциплины в группе.

в) сношение по вопросам жизни данной группы с Президиумом и другими органами Рабфака.

Для решения деловых, технических вопросов, касающихся жизни различных групп, созывается общее собрание членов президиумов групп-студентов.

Из этого беглого наброска о структуре и функциях студенческих организаций вновь вступающие на Рабфак студенты могут определить и свои первоочередные задачи—они должны войти в работу своих студорганizations, принять в их работе участие.

Для беглого хотя-бы знакомства с состоянием студорганizations на нашем Рабфаке, их очередными вопросами и предстоящей работой можно заглянуть в помещенную ниже статью «Очередной вопрос» т. Шушканова.

Помни, что наша производственная программа в три раза больше довоенной и мы ее должны выполнить.

Рабфак и высшая школа.

Рабфак—преддверие высшей школы. Высшая школа—рассадник ученых специалистов во всех областях человеческого знания. Являясь отражением производственных отношений общества, В. Ш. строилась по классовому принципу, а так как эпоха последних столетий и эпоха настоящего—эпоха капитализма, то и В. Ш. по существу своему являлась и является капиталистической, в идеологическом отношении. В прошлом по мере нашего журнала, в передовице был выброшен лозунг: «Взять новую крепость, построенную тысячелетней буржуазной культурой—науку и знание, «Взять ее, не разрушая ее крепких стен, не разоряя ее богатых запасов... воевать любя». Нечего и говорить о том, что с точки зрения пролетарского понимания науки, этот лозунг не выдерживает сколько-нибудь серьезной критики. Мы мыслим завоевание В. Ш. не как преодоление и усвоение буржуазной науки, —мы мыслим под завоеванием В. Ш. ее пролетаризацию, социализацию. Поэтому мы стремимся не к сохранению фундамента и стен буржуазной науки, а к разбору всей этой постройки по камням, чтобы, воспользовавшись ценными из них, выбросив негодные—построить, создать свою пролетарскую (следовательно, общечеловеческую) науку. Мы стремимся к переработке науки и В. Ш. с пролетарской точки зрения. Громадное политическое значение осуществления этой цели—очевидно, ибо для кого же ясно, что всякий спец, всякий ученый, помимо своей прямой, сигнальной работы, выполняет весьма видную роль общественного деятеля, как конкретный представитель своего класса, отражающий его идеологию, защищающий его интересы.

В настоящий момент В. Ш. переживает небывалый кризис, явившийся следствием поставленной перед ней революционным пролетариатом идеала социализации. Господствующим классом является пролетариат идеология пролетарская, потому что господ-

ствующим классом является пролетариат («господствующая идеология — всегда есть идеология господствующего класса» Карл Маркс). Отсюда вывод: В. Ш. будет пролетаризована, в силу законов общественного развития. Разумеется, что В. Ш. будет классово-пролетарской до момента уничтожения (изжития) классов. В этом различие в цели буржуазно-классовой и пролетарско-классовой школы. Буржуазия думала и стремилась вечно быть **всем**. Пролетариат, провозглашая свой идеал, провозглашая свои замыслы—уничтожает себя, как класс; пролетарские замыслы—идеалы человечности.

Итак, пролетариат выдвинул вперед В. Ш. идеал пролетаризации, социализации. Насколько близко В. Ш. настоящего подходит к этому идеалу, каким темпом может или должна идти пролетаризация, как В. Ш., так и науки, какими средствами располагаем мы к ускорению пролетаризации?—Вот основные моменты вопросов, которые составят предмет дальнейшего нашей заметки.

В. Ш. в своем развитии идет по наклонной плоскости от поставленной перед ней Республикой цели. Она не подходит (пока) к идеалу, революционным пролетариатом намеченному, а отходит от него. Причины таковы, первое: слушатели В. Ш. выходцы не из пролетариата, второе:—профессура, воспитанная на принципах буржуазной науки и воспитывающая своих слушателей на этих же принципах. Естественно, что идеология такой школы в целом взятой,—противоположна идеологии пролетарской науки, понимаемой, как организованный общественно-трудовой опыт, не признающий вечных принципов, доктрин. У В. Ш. два пути. Из них должен быть выбран один. Жизнь выдвигает идеал, путь, намеченный пролетариатом. В силу законов общественного развития В. Ш. должна быть и будет пролетаризована, буржуазная наука должна быть и будет пролетаризована, переработана, с коллекти-

вистической точки зрения. Задача чрезвычайно сложная, но абсолютно необходимая к осуществлению, и ее осуществление этой задачи, являющейся пожалуй кардинальным вопросом реформы В. Ш., должно быть направлено самое главное внимание работников ВУЗ, внимание неустанное. Теперь вопрос: может ли высшая школа сама пойти по намеченному пути, хотя бы потому, что в В. Ш. за время революции влияло не мало пролетариев? Эти пролетарии, главным образом, рабфаковцы. (Конечно, не все рабфаковцы—через рабфаки, во время беспорядочных приемов прошло много чуждых пролетариату. Их мы в расчет не принимаем. Они побывали на Рабфаке, воспользовались им при поступлении в В. Ш. и позабыли о Рабфаке). Прошедших через Рабфак из рабочих можно разбить на две категории. Часть из них, может быть, большая, попав в В. Ш. быстро деклассировалась, оказавшись недостаточно устойчивой против влияния буржуазно-мещанской идеологии В. Ш. Они превратились и превращаются в обыкновенных интеллигентов. Из них, может быть, выйдут хорошие ученые, но не красные ученые. У них развивается определенная тяга к мещанскому эгоизму, к карьеризму. Они отходят от общественно-пролетарского идеала. Небольшая группа неподдающихся деклассации, пожалуй, не изменит значительно общему положению. Может быть, они для себя лично и сумеют отобрать из буржуазной науки жемчужины. Но вернее то, что и они не изолированы от влияния. Им придется иметь дело с систематически разработанной наукой и поскольку им придется систематически воспитываться на этой науке, поскольку она измает, изломает их и вынудит из своих стес с бледностью цветка темничного.

Слишком нездорова, слишком заражена В. Ш., чтобы можно было надеяться на выход из нее здоровым человеком, человеком труда. Нет, парниковая культура не даст вполне здоровых растений. Так и настоящая В. Ш., как парник не проветривающийся, не даст классово-родных нам красных-инженеров, техников, агрономов, педагогов и т. д. Надежды на самоизлечение В. Ш. нет, она, пожалуй и не догадается подумать об этом, или сознательно не захочет этого. Из мертвой петли ее нужно вытаскивать. Каким образом?

Наша мысль останавливается на революционной кузнице, которая на своей стальной наковальне рашо, или поздно перекует вышнюю школу применительно к пролетарскому идеалу. Она заменит «парниковую» культуру **грунтовой**, на свежем воздухе. Сделав эту замеску, она через В. Ш. создаст настоящих красных спесов, со стальными мышцами, железной волей, она создаст ученых об-

щественников, с пролетарской идеологией.

Чтобы нас не обвинили в расточении дифирамбов перед Рабфаками—оговоримся. Мы говорили о роли Рабфака, но в это время не заявляли о том, что он во всем отвечает в настоящий момент своей роли. Мы говорили, что на Рабфаке было не все благополучно, недостатки и очень большие недостатки есть и теперь. Со своей основной задачей в В. Ш. Рабфак еще не справился. На это были свои причины. Эти причины определяют и определяют Рабфак в каждый данный, рассматриваемый момент. Мы эти причины учитываем, знаем и это позволяет нам посмотреть на Рабфак какой он есть, какой может или должен быть и какой будет.

В положении Рабфака можно различать три момента: материальный, как непеременимое условие нормального ведения учебных занятий:—учебный (характер и постановка занятий, включая внешкольные),—социальный состав студенчества и его воспитание, определяемое целью организации Рабфаков.

Первый момент изжит. Материальный фундамент подведен под все здание Рабфака. Острый материальный кризис миновал и останавливаться на нем мы не будем. К 2-му моменту. Нам памятна забастовка московской профессуры с лозунгом: «Рабфаковцам не место в ВУЗ». Они выставили единственную причину: якобы, неподготовленность рабфаковцев в В. Ш. Что такое мнение неверно, доказывают отзывы о рабфаковцах. Отзывы почти во всех В. Ш. были положительны. Причину забастовки нужно искать в политической подкладке. О чем, конечно, профессура умолчала, ограничившись «художественным» расквашиванием рабфаковцев. От бесподкладочников и ждать больше нет смысла. Не все-таки вопрос об учебной подготовке задет. Посмотрим на этот вопрос, какой он на самом деле есть. Если профессура сказала, что рабфаковцы в некотором отношении были подготовлены не целиком так, как намечено в программах Рабфаков—они бы были до некоторой степени правы. Но ведь эти сравнивают рабфаковцев с гимназистами, реалистами. В этом отношении рабфаковцы стоят головой выше. Другое дело продолжение программы в целом. Здесь были недочеты. В чем дело? Ясно, что из этого факта не следует, что мысль о Рабфаках и их существование являются несостоятельными. Здесь весь вопрос в причинах. Рабфак школа новая, первый опыт. До сих пор еще Рабфаки находятся в учебно-программном отношении в организационном периоде. Рабфак строился, не имея за собой опыта. Естественны и ошибки, естественны и недочеты. Мы это признаем, констатируем, затем, обобщая свой опыт, делаем выводы. Стоит только просмотреть материалы послед-

ней конференции по учебно-программным вопросам Рабфаков, чтобы убедиться в этом. После этой конференции мы стоим на твердом фундаменте, на верном прямом пути. Положительные результаты всего опыта окажутся в этом же году. С ближайшего года не будет существовать мотива критики и отрицания Рабфака с этой учебной стороны. Основное положение характера программы Рабфака комментировано. Основные вехи поставлены. В учебном отношении мы вышли из хаотического отчасти периода, вступив в планомерно-организованное русло. Благодение в потемках изжито. Строительство Рабфака идет гигантскими шагами вперед, находясь в верных, самоотверженных руках. С одной стороны, революционные преподаватели, с другой, само студенчество прорывали и прорывают колоссальную организационную работу. Строительство новой школы с Рабфака, как основной ячейки пролетаризации В. Ш. и науки гарантирует нам то, что в недалеком будущем мы будем иметь пролетарскую В. Ш., пролетаризованную, переработанную, с коллективистической точки зрения науку. В. Ш. будет наша пролетарская.

Теперь последний момент: социальный состав слушателей Рабфака. Рабфак школы классово-пролетарская. Следовательно, в ней место только пролетариям, пролетариям из рабочих и крестьян. Представителям из других классов на Рабфаке места нет и быть не может. Опыт допущения на Рабфак представителей чуждых по идеологии пролетариату, привел нас к печальному результату. Такая «публика», казавшаяся в Рабфаке овечками, в В. Ш. оказалась матерыми волками. Этот факт выдвинул, как необходимость, чистку Рабфаков. Вспомнив цифру почти в 5 тысяч исключенных с Рабфака, нам будет ясно, насколько Рабфак был засорен. Отсюда легко сделать вывод, насколько не могла быть осуществлена цель Рабфака—пролетаризация В. Ш. Каковы результаты чистки? Оказыв., что и теперь еще на Рабфаке лица, которым в нем не место.

П. Агеев подводя итоги чистки по материалам Центральной Комиссии (журн. «Знамя Рабфаковца» № 2-3 говорит, что может быть в 23-24 годах, а может и в будущем—чистки делать не придется. Прав ли тов. Агеев? Если партийные и профессиональные организации окажутся последовательными в своих заявлениях, если они придут на Рабфак действительно пролетариев, людей с действительно пролетарской идеологией, то по отношению к Новому составу слушателей чистки делать не придется. Но отвечают ли требованиям поступления на Рабфак все без исключения уже находящиеся в стенах Рабфака, студенты, оставшиеся после чистки?—По-

смотрим на результаты чистки в нашем Рабфаке. Результаты оставляют теперь много лучшего. Из добрых пятисот человек у нас оказалось исключенных меньше двух десятков. Что тому причиной? Идеальный в классовом отношении состав слушателей?—Да далеко не то. Слабо, с плохим подходом работала Комиссия чистки. Нужна была железная метла и железная последовательность классовому принципу. Но этого не было, это положение игнорировалось. Классовому принципу противопоставлялось: «ценность» «талантливость» личности. Но ведь такой подход не выдерживает абсолютно никакой критики. Разве пролетариат в своей среде не имеет ценных талантливых?—Обратите внимание на факт, что на одно место в нашем Рабфаке в некоторых рабочих организациях было почти 100 кандидатов. Какое сильное желание получить знание! А желание разве не говорит за способность? А способность разве не говорит за то, что есть таланты?—Пробуждается мощная творческая с стальной волей сила, сила пролетарская. Ей в первую очередь и именно на Рабфаке (что-бы предварительно воспитать их, сделать устойчивыми против влияния буржуазно-мещанской идеологии В. Ш.)—дать возможность учиться. Каждая линия сотня пудов хлеба должна быть использована на открытие новых мест на Рабфаке для рабочих и крестьян, только для них. Интеллигентско-буржуазно-мещанской «публике» на Рабфаке места не должно быть. Но ведь они все таки есть на Рабфаке, а выпуск 22 года дал возможность пойти таким в В. Ш. Может быть, нас упрекнут в позднем раскрытии карт. Может быть—но мы делаем вывод: чистку нельзя считать законченной, ее нужно продолж., применив ее не только к студенчеству, ибо виновники оставшиеся на Рабфаке «талантливых» волчат—не студенты. **Это нужно учесть.**

Выше мы говорили о деклассации пролетариев в В. Ш. Что за причина к тому? Только ли «общественное влияние В. Ш. и ее профессуры? Неужели только эти причины обуславливают неустойчивость выходцев из пролетариата, прошедших через Рабфаки, против перевоспитывающего влияния В. Ш. в целом? Нет, конечно. Это не обуславливающее, а содействующее деклассации условие. Эти скрытые причины кроются в самом Рабфаке. **Это общественное воспитание**, осуществляемое через преподавание общественных наук. Велось ли, ведется ли на Рабфаке. Общественное воспитание соответственно цели поставленной революционным пролетариатом? Как и что преподается?—Кто преподает?—

Программа Рабфака говорит: «преподавание» общественных наук стоит строго на материалистическом фундаменте»—упомянутая выше конференция констатировала, что это только программа, в действительности совсем не-то. Некоторые науки общественного характера грешили прагматизмом, (явнр.-история),

социализм игнорировался. Преподавались аудитории события, даже интриги царских дворов, но не процессы. Где же здесь материалистический фундамент. Дальше. Целый ряд общественных наук или преподавался слабо или совсем не преподавался. Это конституция РСФСР. Хозяйственное строительство. История Революционных учений, Исторический материализм (совсем не читался) и т. д. Студенчеством этот пробел чувствовался и сознавался. Студенчество старалось этот пробел заполнить, ведя политическо-просветительную работу через политпросветы, с основным принципом углубления и расширения знаний, получаемых в аудитории. Но целый ряд причин (недостаток, вернее неимение средств, оторванность от классовых занятий, неучастие во внешкольной работе преподавателей и т. д.) — не позволили развернуть работу во всю широту, деморализуя отдельных товарищей, срывая работу, охлаждая к работе. Внешкольная политическо-просветительная работа нуждается в большом внимании. Важность ее отрицать ни в коем случае недопустимо. Тормозящие причины нужно устранить. Необходимо участие в этой работе вместе со студенчеством и преподавателей. Чтобы устранить материальную нуждимость, сметы политпросветов необходимо включать в общие сметы Рабфака на учебные расходы. Нужно к этому вопросу подойти с чрезвычайной серьезностью глубоко его продумать, дабы обеспечить целиком положительные результаты внешкольной полит-просветительной работы.

Теперь несколько слов о тех, кто преподает. Программа говорит о материалистическом фундаменте в преподавании общественных наук. Разумеется, что такую программу могут осуществить только материалисты марксисты. Но есть у нас такие?—К сожалению нет. Среди наших преподавателей есть еще не проглотившие вародинские легенды. Есть материалисты, но как исключение. Но вот называ-

ющих себя материалистами не мало. Но, по истине, можно от них получить только «Мишину» услугу. Их некоторые обобщения (это характерно для «почти—материалистов»), как якобы материалистические настолько иногда бывают пацаны, что аудитория пришедшая учиться, поправляет их. Это факт (прив. меж. прочим). Так или иначе вопрос о соответственном кадре преподавателей материалистов, марксистов стоит ребром и очень остро. Отделу Рабфак, партийным и профессиональным организациям этот вопрос может быть не ясен и в их задачу должно войти обеспечение Рабфака, таким кадром преподавателей в срочном ударном порядке. Медлить нельзя. Нужно как можно скорее и как можно больше влить в В. Ш. устойчивых против деклассации пролетариев, т. к. В. Ш. находится определенно под влиянием буржуазной идеологии, живо откликается на меньшевистско-эсеровские «принципы», упивается **сленовеховской** идеологией, этой карикатурой в красном платье, с мещанско-буржуазным сердцем. Нужно продуманно спешить.

Сделанное краткое обобщение заметки В. Ш. не отвечает пролетарскому идеалу. Наука по существу своему является буржуазной. Рабфак, должностующий пролетаризировать высшую школу, содействовать и перерабатывать науку из буржуазной в пролетарскую, а следовательно и общечеловеческую (ибо пролетарские замыслы — замыслы общечеловеческие). Рабфак еще сам нуждается чуть ли не в пролетаризации, он сам еще имеет массу недочетов. Вывод: Мы переживаем острый организационный период. Предстоит колоссальная глубокая работа. К этой работе мы и зовем всех живых, всех, кому дорог пролетарский идеал. Сила в единении: дружным стойким коллективом за живую, творческую работу!

Н. Пантелеев.

Построение здания социализма невозможно без вышедших из рабочей среды специалистов.

Вступающим Рабфаковцам.

На Рабочий факультет вступает Новая рать рабфаковцев.

Добро пожаловать, молодые товарищи!

Вы не зеленая, не знающая жизни молодежь, а созревшие, возмужавшие среди жизненных невзгод и тяжелого труда, рабочие и крестьяне, только-что оторвавшиеся от станка и сохи. И теперь, вступая на новое поприще, маякая тяжелый физический труд на умственный, вы с первых дней должны осознать—к чему вы стремитесь, чего от вас

потребует общество, какие трудности предстоят на вашем пути.

Тяжел был ваш труд до сих пор, но не отдыхом будет и пребывание на Рабфаке. Помните, что в три года вы должны пройти то, что прежде проходило в семь лет; помните, что Рабочий Факультет является чуть ли не единственным учреждением, производственная программа которого в два—три раза больше довоенной. Выполнить ее можно только сильным духом, действительно про-

внимательным жаждой знания, при максимальном напряжении сил, выдержке, настойчивости и железной трудовой дисциплине.

На Рабфаке нет места слабым и малодушным. Лучше, если все слабые выйдут из строя вначале, не внося разбройда в рабфаковскую рать тогда, когда она уже выступит в поход к заветной цели—высшей школе. Пусть каждый из вас личный раз проверит сам себя. Отступление сейчас—еще не преступление, отступление потом уже будет дезертирством. Вашим общим лозунгом должно быть, чтобы потом, на пути в высшую школу не было дезертиров и отступивших перед трудной для них задачей.

Наш Рабфак уже дал высшей школе три выпуска. Ваши старшие товарищи—рабфаковцы доказали, что задание, которое казалось невыполнимым, может быть достигнуто. И они вам скажут, что терпели, тяжело, но и радостен тот путь, который они прошли.

Уральский Рабфак уже имеет славное прошлое, имеет упорным трудом завоеванное имя среди других Рабфаков республики. Студенты-рабочие нашего Рабфака уже в стенах высшей школы доказали свою работоспособность и подготовленность. Теперь от вас будет зависеть поддержать и укрепить эту репутацию.

Начало часто определяет результат всего дела. Поэтому, с первых дней включите во весь строй жизни и работы Рабфака, воспримите и воспользуйтесь приобретенными навыками, без перебоев, в ногу со старыми рабфаковцами, организованно, настойчиво и внимательно за работу.

Но погрузившись в учебу, в математические формулы и задачи, вы не должны стать только школьниками, отрешившимися от жизни. Вы не школьники, а граждане, пришедшие из жизни, уже принимавшие так

или иначе участие в жизненной борьбе, в строительстве новых форм общественной жизни, состоявшие в профессиональных и партийных организациях, и никакая учеба не должна заглушить в вас действительного интереса ко всем общественным вопросам. Не заглушать, а развивать вы его должны. Изучение общественных наук вам поможет разработать или подвести научный фундамент под свои убеждения.

Здесь на Рабфаке не отрывайтесь от трудящихся масс и посланных вас организаций, живите их интересами, будьте не только студентами, но и рабочими. Помните, что вы поступаете на Рабфак не для личного благополучия, и карьеры, не для заманчивых заработков специалистов, а для блага общественного. Коренная перестройка всего общества, в интересах трудящихся, борьба за социализм,—вот ваша общая цель. Освобождение рабочего класса, осуществление социализма должно быть делом самих рабочих. И поэтому рабочий класс должен дать не только борцов, но и строителей новой жизни, должен дать специалистов для управления всеми отраслями народного хозяйства.

Ожидая от вас не только специалистов, но борцов и строителей новой жизни, вооруженных силой высшего знания, государство, несмотря на крайний недостаток материальных ресурсов, не жалеет средств на содержание рабочих факультетов. И вы должны оправдать возлагаемые на вас надежды.

Вступлением на Рабфак, перед вами открываются широкие горизонты, перспективы большой плодотворной работы. Теперь вам нужно пройти первый наиболее трудный этап—до высшей школы, но как бы он ни был труден, вы его преодолеете.

В добрый же час!

М. Сигов.

Выдержка, настойчивость и железная трудовая дисциплина — вот наши лозунги.

Очередной вопрос.

(О студенческих организациях).

Вопрос о студенческих организациях и, в частности о том, какую и в каком объеме они должны выполнять работу до сего времени в целом не разрешен.

Если по положению о Рабочих факультетах в состав организации студкома входят культурно-просветительная и конфликт-

ная комиссии и студенческие представители в предметных комиссиях, то на местах являлась необходимой организация целого ряда не предусмотренных положением отделов, комиссий, уполномоченных, выполняющих работу постоянного характера („собез“, трудовой комитет, санитарная тройка и

т. п.); о комиссиях временного характера (помощи фронту, помгол) говорить в данном случае не приходится.

Создание этих непредусмотренных положением организаций вызывалось непосредственными интересами Рабочего факультета и прежде всего его ударными задачами в той или иной области. В период наиболее тяжелых материальных лишений являлось совершенно необходимым создание собеза, а пожалуй и сантройки и трудкома; так называемое „самообслуживание“ получило свое начало именно в отчаянные моменты материального положения Рабфака.

Вопрос о студенческих организациях, характере и объеме их работ ставится перед началом каждого нового учебного года, если не при каждом переизбрании студкома. При этом, до последней степени наболевшим вопросом стал вопрос о возможном сокращении, слиянии, передаче некоторых функций студенческих организаций.

У нас наряду с многочисленными отделами и комиссиями студкома организовались еще весной 1920 г. ячейки профессиональных союзов.

Для работы во всех студорганизациях было оторвано целиком от учебных занятий 4—5 человек и работало в них, совмещая и учебные занятия, до 10 человек. Поэтому этот вопрос и не переставал быть большим.

Не может ли быть сокращено число занятых „общественной“ работой по факультету студентов—первый и основной вопрос, который встает и сейчас перед началом 23/24 учебного года.

Второй вопрос: каковы должны быть формы студенческих организаций, которые при известном минимуме выделенных для работы студентов—смогли бы выполнять свою основную и неотложную работу. При этом необходимо добиться, чтобы работающие в них студенты могли выполнять и свою учебную работу или, по крайней мере, не совсем оторваться от нее.

Если в прошлом, при известном положении Рабочего факультета, приходилось отрывать от учебной работы нескольких студентов для выполнения хозяйственной работы—то сейчас это уже не является в такой же мере необходимым. Сейчас возможно было бы слить бывший студенческий собез с общей хозяйственной частью факультета и ведение отчетности передать последней. Это слияние, если бы не освободило вполне 2—3 товарищей, то значительно уменьшило бы их обязанности, сняло с них совершенно ненужную обязанность и ответственность за сохранность и учет запасов собеза в особых кладовых и т. д.

Ячейки профсоюзов—основной работой которых фактически являлось все-таки исхodataивание и раздача разницы между стипендией и бывшим заработком в неприятии—сейчас, с отменой разницы имеют

перед собой единственную задачу—связь с профсоюзами и ведение профессиональной работы.

Проф'ячейки организовались в связи с предложением открыть при Рабфаке слесарную и деревообделочную мастерские. Организация мастерских не удалась—и сейчас этого основного и безусловно необходимого материального производственного базиса проф'ячейки не имеют.

Профработы ячейки при чрезмерной учебной нагрузке рабфаковцев не вели, да и в будущем при увеличении этой нагрузки поставить не смогут. Здесь не нужно забывать, что и при более благоприятных условиях профработу можно было бы поставить только лишь в мощных проф'ячейках: металлистов, горнорабочих, деревообделочников и, конечно, немыслимо ее поставить в ячейках, насчитывающих 3—4—10 человек (медикосантруд, земли и леса, совраб, раб. просв. и т. д.).

Резервуаром, из которого черпается главный кадр студентов Рабфака, являются производственные индустриальные союзы, и они не могут не быть заинтересованы в судьбе своих откомандированных членов и эта заинтересованность не может ограничиваться только внешней стороной их жизни—**профсоюзы должны быть теснее связаны со своим Рабфаком**

И лучше всего связь глубокую и деловую можно осуществить, конечно, не через проф'ячейки, а через включение в состав президиума Рабфака союзного представителя авторитетного и ответственного.

Таким образом, к 23/24 учебному году утрачивается всякий смысл самостоятельного существования проф'ячеек; возможную и необходимую профработу гораздо целесообразнее сосредоточить в секции профдвижения Политпросвета.

Все силы и средства студорганizations в будущем должны быть сосредоточены на организации учебной и политпросветительной работы.

Если необходимость создания студенческого учебно-контрольного отдела определилась в первый же год существования рабфака,—надо, наконец, практически это осуществить.

Работающие в предметных комиссиях товарищи должны быть организованы, без этого они ни в какой мере не являются действительными представителями студенчества—в комиссиях они, конечно, не осуществляют представительства, в лучшем случае, там один-два из них сидят и интересуются.

Не велика будет беда, что студенты не подготовлены к специальной работе комиссий, если они будут организованы в учебном студенческом отделе или в бюро студенческих представителей в предметных комиссиях.

Отсюда вытекает уже вопрос и о самой структуре этого бюро. Оно может объединять всех студпредставителей в предметных комиссиях; число их не велико, а это объединение имеет большое значение в том, что оно является до известной степени регулятором работы представителей всех комиссий.

Здесь, безусловно, необходима связь всех этих представителей со студенчеством. О состоянии работы в той или иной комиссии, о выполнении программ по факультету и т. д., необходимо осведомлять все президиумы групп через особые совещания. О состоянии учебного дела в той или иной группе, или во всем факультете студенту надо знать, конечно, не по наслышке, как было до сих пор.

Перед этим бюро и объединенными в нем представителями стоит задача широкого, делового осведомления студентов о состоянии учебного дела на факультете и о работе предметных комиссий.

И только по выполнении этой работы — студенческие представители и объединяющее их бюро могут сделать первые серьезные попытки на деле осуществить свое влияние на постановку учебного дела.

Говорить о значении политпросветработы и о том, насколько она необходима — излишне. Студенты рабфака отдают этой работе львиную долю своего внимания, которое они уделяют на внеклассное развитие. О том, что работа политпросвета не приобрела до сего времени характера необходимой углубленности и систематичности уже говорилось.

Политпросветработа в Рабфаке не может быть, конечно, уложена в общепринятые формы этой работы, не рискуя быть в большинстве случаев сведенной на нет неизбежным параллелизмом с учебной работой. Она **должна иметь свои определенные формы, построенные в строгом соответствии с остальной классной работой.**

Основными осями этой работы должны быть кружки: общественно-исторический и литературно-художественный (местного творчества).

С началом учебного года весь этот старый вопрос о формах и работе студорганizations, уже вполне определившийся, надо, наконец, снять с очереди.

Н. Шушманов.

Распредели свое время так, чтобы не только аккуратно посещать занятия, но и нести общественную работу. Ты сам должен учиться и строить рабочую школу.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ.

В ГРЯДУЩЕЕ.

Кто-то черный стоит на дороге,
Кто-то злобно кричит и поет,
Раньше-б сердце забилось в тревоге,
А теперь прохожу я спокойно вперед.
„Мы из стали, железа гранитные замки,
Мы дворцы возведем королей,
Будут снова фонтаны, аллеи и парки,
В нам неведомом царстве людей!“
Так кричит мне порою призывно.
Гул несметных, земных голосов
И сливается с ним неразрывно
Шум гигантских, больших городов.
И в Грядущем, как птица, свободный
Человек в этом царстве мечты,
Новый бог горделиво—спокойный
Мне кричит из глубин высоты:
„Приходи в наше царство скорее,
Сбрось могильный, печальный наряд,
Посмотри—всюду утро, алея“,
В мире зори нарядно горят.“

И в ответ моя песня несется:
„Через годы страданий дойду до тебя,
В думах твой я, с тобою лишь бьется
Мысль грядущее только любя.
Но порой, распластав мое тело,
Темный призрак, как злобный вампир,
Вновь творит свое черное дело,
Льется кровь моя, снова здесь пир.
Только кровь моя мыслью отравлена,
В каждой капле Грядущего дух,
Будет в сердце вампира направлена,
Чтоб огонь его злобы потух.
Я приду истомленный, израненный,
Я паду у Великих дверей,
Но приду я свободный, избавленный
От насилия, корон и царей!
Я прийду вместе с массой миллионною,
Титанический путь я пройду,
Как подарок борьбы, свою лиру стозвон-
Свои песни туда донесу... [ную,

А. Потопаев.

Из завода в рабфак.

Смотри ка: на блузе твоей в виде ленты
Пятна блестящие машинного масла.
Гордись! ты—кузнец, но и рабочий студент ты.
Сила в твоей пролетарской груди не погасла.
Руки твои покажи всем, кто смеется,
Железные, закаленные мускулы покажи,
Ум крепкий, сердце, что радостью бьется
В груди пролетарской—им все докажи!
Путь от станка и до книги—свободный
Тебе, пролетарский кузнец. Но потом
Путь заросший, извилистый, темный
Тебе попадется. Смелее иди. Все счищай топором—
Своим знанием. Видны проблески среди мрака—
То наши прошли. А там вон маяк путевой.
Он ярко горит. Он зовет вас, без страха
Вперед к новой жизни, свободной, живой!

Н. Федотов.

Б Е З Х Л Е Б А .

(Картинки голодного года).

I.

З А О З Е Р А .

— Заночевать бы надо, робя, в Ожогиной то. Не добраться седни нам до Расшибихи. Петро, сколько еще будет?

— До Расшибихи то? Да верст 12 будет.

Еле плетутся три тощие клячи, запряженные в дровни.

По обеим сторонам дороги, мелкие заросли черемухи, осины разбросаны небольшими островками. Между ними поляны с широкими сугробами, местами на полянах из под снега торчат высокий бурьян и полынь.

Вечерет. Мороз крепчает. Лошади закуржевели и тяжело фыркают.

Ехать еще далеко, за озера. Говорят, в озерах то хлеба достать можно.

— Не добраться знат-то Митюха, до Расшибихи. Не идет у меня Рыжко: задние ноги сдают... Говорил, заночевать бы в Ожогиной-то. Можно бы остановиться у Никиты Воронинского,—ворчит Кузьма, маленького роста рыжий мужиченка. Полушубок у него рыжий, борода рыжая, штаны рыжие, только шапка, нахлобученная на нос,—черная.

Рыжко остановился. Кузьма беспокойно дергает его, хлопает по брюху. Лошадь беспомощно воротит морду в сторону и вытягивает шею из хомута. Передние лошади плетутся дальше.

— Стой, Митюха! Пучит у меня Рыжко-то.

— Недалеко бы тут добраться... вон болото.

Покормить бы надо лошадей то. Знамо, пучит—кормить надо.

Митюха сходил в кусты, нарвал немного бурьяну и овсика. Толкает Рыжку, тот захватывает траву в рот и сейчас же выпускает.

Рыжко захрапел, но пошел. Не протянул он и пол-версты, остановился, вытянул шею из хомута и норовит лечь.

— Ну милый... давай... давай трогай... —треплет тревожно Кузьма лошадедку.

Рыжка ложится.

— Распрягать бат надо... Рыжка лег, голову воротит на бок и вытягивает ее по снегу.

— Не поднять уж! де тут! Давай, Кузьма переключивать с саней то. А сани-то надо в кусты бы затащить.

Попробовали оттащить сани. Только повернули их на дороге, а через сугроб перетащить не могли. Кузьма завяз в снегу и свалился.

— Не могу, брат. Сам-от пухну... ворчит Кузьма.

Петро был немного лучше. У него тоже распухли ноги и отяжелели руки. Еще утром, Петра встревожила особенная резь в животе, какой не бывало. Он запахнул сильнее армяк, крепко затянулся опояской. Потом живот стало невтерпежь больно; он распоясался, стало как будто лучше. А потом уж не мог и на два раза обмотнуть опояску—живот стало пучить.

Лошадь у Петра, что печь была. Она и теперь куда крепче, чем Митюхин Игренька. И не сравнишь...

Петро все время лежал в дровнях.

Митюха ему говорил, что лучше итти, лежать-то хуже для нутра. Но Петро не мог заставить себя шагать вместе с Митюхой,—он и стар и слабее, чем Митюха.

Бросили сани около сугроба.

— Трогай, Митюха, дальше! Игренька теперь пошел впереди.

Кузьма ворчал и хныкал.

— Петро, не могу итти, ноги совсем распухши...

Митюха усадил Кузьму в свои дровни.

— Митюха, ядри его мышь, пучит у меня пузо-то все...

Под армяк к Кузьме лезет холод. Ноги и спина коченеют. Ежели попробовать разогнуться—переломится, мать ее так,—подумал Кузьма про спину. Он передернул ноги под половником, которым накиннул его Митюха, и тихонько застонал.

Митюха шагал рядом с Петровыми дровнями.

— Плохо, брат, Кузьме-то. Корчит. Зяблой он больно, хликий мужик та.. Кабы не свернулся...

Петру вдруг стало как-то неловко.

Кузьму та вздуло, а так и есть, что

свернется, лениво подумал он и сказал,—что говорить—хлипкой...

А потом вдруг подумалось, что он и сам то хлипкий и с утра пучит брюхо. Поисти кабы...

Он попробовал вытащить из-за пазухи кусок хлеба и не мог затолкать руку—она совершенно заоченела в локте и около самой кости ныл какой-то беспокойный холодок.

— Руки, Митюха, не гнутся—испуганно прошипел Петро, подбородок у него обледенел, а язык похолодел и страшно затвердел, стал как будто круглой палкой.

Митюха вытащил ему хлеб, похожий больше на кусок земли, того чернозема с их пашни, который летось ничего не уродил.

Хлеба еще не поднялись, как засуха уложила их по земли...

Отломил кусок, попробовал затолкнуть Петру в рот.

— Не берут, брат, зубы, так их мать.

Митюха только покачал головой и спрятал хлеб снова ему за пазуху.

Сам Митюха утром с'ел свой последний кусок. С'есть с'ел, а толку не было. В животе, так же ныло, и как будто куда-то назад тянуло какую-то кишку; от этого Митюха даже останавливался вот уже два раза сегодня—так сильно тянет. Он чувствовал, как голова и ноги наливались свинцом, а середина—нутро пустела и делалась вялой, так что даже боязно было, что вот свинцовая голова сейчас перегнется к низу, до самого снегу. Вчера еще тошнило, а сейчас только ноет и тянет. А это куда хуже...

Игренька потянулся куда то в сторону. Митюха стал догонять его по снегу.

— Куда ты прет? Эй Кузьма, как твоя брюшина? Исти поди, паря хощь? Вон Петро даст малость.

Кузьма не отвечал. Митюха тревожно отдернул половик. Кузьма заоченел.

Правый глаз остался открытым да так со слезами и застыл.

— Замерз ведь Кузьма то. Мать его так...

Петро сначала как-то даже не понял, а потом вдруг стало страшно... и холодно.

Все тело болело и ныло, а холодок из локтя уже перебрался и в грудь, и в голову.

— Замерз, так его мать... Царица небесная Марья Федоровна—по привычке вздохнул Митюха и только сейчас понял, что вспухший от голода Кузьма сейчас замерз, вот совсем замерз.

До этого хоть он похож был на гнилой рыжик, а все... А теперь вот замерз совсем...

Останавливать надо—почему то решил Митюха, хотя до болота не доехали сажен 100—150, а лошадей не останавливал. Иг-

ренька уже около самого болота остановился и не пошел дальше.

Митюха и трепал его, и гладил, и гладил кнутом. Игренька лег. Распрег Игреньку, распрег и Петрову Карьку.

Отпустил Карьку кормить на болото. Прошлогодняя осока-резун, запорошенная снегом, склонилась в одну сторону и вдали над болотом и мелким болотным кустарником лег полосой морок-густой туман. К морозу погода.

Нарвал травы, бросил Игреньке. Через некоторое время Игренька встал, дошел до болота, лениво щипал осоку, а потом остановился, повесив голову и широко расставив ноги.

— Не пойдет больше...

Едва зажег Митюха коченеющими руками огонь и развел костер.

Петро едва дотащился от дровней до костра.

Сел около него, но сидеть было трудно. Он попробовал лечь на бок, положив голову на кочку. Стало удобнее. Петро стал засыпать.

— Ты, Петро, не спи,—это не гоже.

Петру стало от этого нехорошо. Он хотел почувствовать злобу за то, что Митюха уж ждет, что и он, Петро, замерзнет и околеет. Но разозлиться не мог. Как будто не хватало даже на это сил.

Он хотел лениво потянуться—тоже нет сил, только слабо шевельнул рукой и опять закрыл глаза. Сладко дремать.

Петро заснул. Митюха тормошит Петра. — Не спи ты... До Расшибихи то уж недалеко.

Там в избушках отдохнем. Давай ка, брат, сядь...

Петро недовольно мычал, но не открывал глаз.

— Отвяжись ты, чо как банный лист...

На минуту-две Петро очнулся, лежал с открытыми глазами и ежился, а потом, когда Митюха пошел в кусты за сухариком поддержать гаснувший костер, он снова заснул.

Валежник глубоко засыпало снегом. А сломить стоячий сухарик у Митюхи на редкий хватало сил.

Костер уж совсем гас,—подбросил сухого валежника, костер задымился, затрепал и разгорелся.

Бросился будить Петра.

— Для тебя жа говорю—не спи... Давай ка, брат, сядь... сядь...

Митюха попробовал посадить его.

Но Петро не проснулся...

Теперь уж совсем стемнело. У ближних кустов фыркала Карька. А Игреньку было невидно: лежат ли, стоят ли?

До рассвета Митюха бился у костра.

Утром Игренька не поднялся со своего наележанного, оттаявшего за ночь места.

А Карька на пятой версте за избушками захромала. Митюха и не думал доехать даже до Дербышей. А оттуда до озерок еще верст сорок будет.

Он повернул снова к избушкам. Но не проехал и четырех верст—Карька не пошла. Митюха, еле держась на ногах, пошел пешком.

Захватил с собой только половник, да выбрал вещи—полегче, да подороже, что везли на обмен.

Так пешком и пошел.

Да недалеко ушел.

Н.

НА ЗАРАБОТКИ.

Поселок Бугры приютился на высоком берегу речки Кайвы. Избы маленькие, большей частью, крытые соломой. Только там, в стороне от поселка стоит двухэтажный с крытыми загонами для скота и оградой деревенский дом кулака Мирона Тучкина, да насупротив новый и большой дом Ионы Клепышева.

Раньше в Буграх все-таки была жизнь.

Теперь зимнее солнышко медленно поднимается над синей полоской леса вдаль, а в деревне—тишина. Избушки угрюмо насупились, взойдет солнышко—они бросят своими крышами на подслеповатые окна тяжелую черную тень. Тишина.

Только там, на краю села, у Мирона, да у Клепышева осталась жизнь: есть у них и лошади, и коровы, и овцы, самое главное есть—хлеб. Стерегут Мирона две большие черные тощие и злые собаки, а Клепышева—одна белая и толстая.

Во многих бугровских избах уже давно нет жизни. Некоторые избы заколочены—хозяева уехали или в хлебные места или убралась на тот свет.

В остальных помаленьку доживают свои дни остальные бугровцы, больше старики да старухи да малые ребята.

Неизменно встает солнышко, прокатится над рощей и там, у мостика через Кайву, за плетнем опускается в березовый колос. Где то там за этим колосом—железная дорога.

Прошло уж с месяц, как мужики уехали за озера за хлебом. Кузьмиха уж не раз прибегала к Петровой бабе—Марье.

— Где то долго не едут наши мужики! Может ребят али что?

На дворе уж и оттепель бывает, а их все нет. Марья вот неделю назад зарезала свою козу, а теперь уж ее доедают. Агания, Митьшина бабушка, совсем уж не ходит; лежит на койке у печки и воет, да шамкает—говорить не может. Сам Митьша редко слезает с полатей. Поест и лежит, чтобы меньше обезсиловать себя. Только иногда с матерью пойдет в ближние кусты за сухарником для железной печки.

Приходит раз Кузьмиха.

Приехал из Ожогиной Мирон—ездил срубы у Панкратова покупать. Сказывает, ожогинцы в избушке на Расшибихе нашли мерзлого человека, а потом на болоте другого и возле дороги сани.

Сама Кузьмиха тихонько плачет, слезы бегут, а она трет фартуком. Изголодалась старуха совсем и сгорбилась.

— Уж не наши ли мужики то—сохрани Господи. И подумать то боязно, матушка Марья.

— Давно больно нет наших то...

Марья тоже заплакала. Митьша слушал испугался и разревелся.

— Надо бы сходить к Мирону, узнать бы получше.

— Иди, матушка, я его на околице встретила, так едуци только крикнул.

Пошла Марья к Мирону.

— Анна Кузьмова говорит, сказывала, что ожогинцы нашли замороженных мужиков. Уж, не ко греху будь сказано, не наши ли. Чо то больно долго нету,—и опять заплакала.

Марья ослабела—хлеба совсем нет. Сидят на мясе, но сама Марья мало ест, да и старуху почти не кормят. Боятся, что не дотянуть до приезда мужика, а Петро забрал на обмен все, что было и еще наказывал, дескать, Митьшу не замори; она и без него бережет Митьшу.

— Сказывал мне тесть Онисим, что будто в избушке то нашли Митюху Савичева...

Марья заплакала, а от голода едва на ногах держится. Присела на скамейку. Ровно ждала, что так будет.

— Ну, так чо Марья реветь то. Не поможешь. Плохо же Марья будет... Как и жить?... Чо айда Марья ко мне в работницы. Надо мне работницу...

Мирон улыбается. У Мирона в прошлом году умерла жена. Давно он заглядывается на работающую, красивую Петрову бабу.

— Ну дак чо... Пойду...

Марья каждое утро со светом уходит на Миронов двор и хлопочет до вечера. Много скота у Мирона. Мирон боится и завел третью собаку охранять свое добро.

Вечером Марья приносит кусок лебедового хлеба для Митьши и старухи. Мирон кормит Марью у себя, боится, что дома отдаст Митьше да старухе, а сама будет хиреть, да портиться. Иногда Мирон дает кусок пшеничного со своего стола, чаще тогда, когда лебедовый весь выйдет. Он ставляет голодных мужиков рубить дрова, а теперь перевозит из Ожогиной сруб и платит им хлебом.

Мирон дает Марье с хлебом еще кусок мяса домой, когда она бывает с ним ласковее, убажкает его.

Даже дал ей фунтов пять муки, когда она была с ним в бане и терла спину.

Долгие дни сидит Митьша на полотах и дуреет от скуки и ужаса. Агания, если посмотреть на нее с полотай—страшная, как ведьма. А Агания сама ему недавно рассказывала сказки про ведьму.

Вчера днем Агание было лучше и она даже заговорила, чтобы он сказал матери, что бабушке надо дать побольше хлеба, тогда она и встанет.

Когда станет на улице темно и окна снова забарабанят льдом—домой приходит Марья.

— Мама, ты чо жо так долго. Мне боязно, поди.

— Ну, сынок, ты ведь большой.

— Я... боюсь, мама, Агания...

— Ты, завтра, сынок, вот сходи ка с Мироновым Петрушкой за сухарником. Тот поедет за дровами.

Митьша и рад выйти за околицу, в кусты, где вот еще осенью он с ребятами загонял зайцев, когда охотились облавой, но неприятно то, что придется идти с Мироновым Петухом—задирой и трусом.

Набрал Митьша себе вязанку сухарника. В лес он доехал с Петухом. Силы у Митьши не хватит дотащить вязанку до дому—говорит Петрушке, чтобы довел.

— Чо я те зря лошадь то маять дам. У меня и без тебя поклажа то здорова... Тятя не велит...

— У, жила... Как есть Мирон. По отцу...

— А у тебя то никакого сейчас нет. Чо хорошо без отца то? А мать то... как Анка, така же потаскуха стала.

Давно ли тятку то лаяла, а теперь живет с ним, в баню ходит...

Митьша снял вязанку с саней, с трудом положил на синюю и потащил.

— Петушья жила!—Крикнул он Петрушке, обуздывавшему лошадь.

Митьша едва дотащил вязанку до дому. Митьша так и знал, что с Петухом и ходить не стоило. Жила... И его беспокоило: неужели мать такая же, как Анка... Анка со всеми треплется, а мать живет с Мироном—хуже во сто раз...

Митьша сегодня не дождался матери—уснул. Ночью проснулся. Мать спала тоже на полотах. Она тяжело и ровно дышит, разбросав руки. Митьше обидно, что мать живет с Мироном и он даже чувствует злобу на нее.

Дни становятся длиннее, а мать приходит только тогда, когда темно, а иногда и совсем не приходит. В эти ночи Митьша прямо ненавидит мать. Долго ворочается, не может уснуть и думает, что мать такая же стерва, как Анка... хуже во сто раз...

Митьша как то вспомнил о Ваське Дунином, который в прошлом году ушел в город на заработки, слесарить.

Хорошо бы на заработки!

Митьше мать попрежнему приносит каждый вечер кусок хлеба. Оставшийся на ут-

ро, она делит на два и говорит, чтобы Митьша один оставил к обеду. Митьша, как только уйдет мать—с'едает свой обеденный кусок и ждет до позднего вечера. Сидит на полотах и только когда из рта пар пойдет—Митьша разжигает железную печку.

Чаще и подолгу думает о заработках. Митьше только 10 лет. Ну да и Ваське Дуниному было только 12.

Хорошо бы на заработки!

Поработаю, а летом на страду...

Пошел раз Митьша к Захарову—он работал там же, где и Митьшин отец, в ремонте на железной дороге—узнать досконально, как уехать в город.

Не застал. „Ну и хорошо, а то бы рассказал матери, еще заперла бы... И не уедешь“...

Митьша решил ехать на заработки. Как только ушла мать, пошел к раз'езду, за тот самый березовый колок, за который садится солнышко. До раз'езда версты четыре.

Дождался товарного поезда и доехал с ним до станции Беспалой, а затем и до города.

III.

НА УЛИЦЕ.

Под вечер приехал Митьша в город.

Еще за полверсты от станции мигают зеленые и красные фонарики. Над станцией висят небольшие, но яркие белые фонари. Станция—большой каменный дом. Внутри битком набито. Бабы, мужики, ребятки рядами лежат на полу, так что даже трудно пройти.

Выглянул за станцию, на улицу. Дальше немного, в тумане лежит большой зверь—город. И над ним яркие фонари. Тут недалеко от станции громадные черные здания, как коробки, много рядов светлых окошечек и до неба черные трубы.

Митьшины лапти промокли. В голове болело, нос стало больно от шершавого рукава.

Бросая светлую полосу вперед, промчался, как бешеный автомобиль.

Чудно Митьше: отродясь не видывал. Чудно...

От холода Митьша сразу же ушел в станцию—там и не жутко совсем, не так как здесь. Там много деревенских мужиков и баб, и ребятшек.

Нестерпимо хотелось есть, в животе ныло, голова отяжелела и было муторно. Митьша присел и стал поглядывать по сторонам: у кого бы попросить?..

В углу лежала старуха такая же, как Агания, еще страшнее и обсасывала кусок хлеба—зубов не было. Митьше и завидно и противно.

— Шкилет... Только муслит зря... подумал и еще муторнее стало. Из живота что

то давило на грудь и лезло в горло. Митьша затолкал палец в рот, к самому горлу, торолливо перевернулся на бок к стене...

На утро Митьша со стариком побрел в город.

Теперь город не произвел на Митьшу почти никакого впечатления: Митьша едва плелся. В одном месте подали по куску хлеба.

Со стариком ходить было нудно. Он все ворчал и гнусавил какую-то молитву. Митьше почему-то подумалось, что вот если подойти к тому дому—так, наверное, подадут, а старик тянулся опять не туда, куда он хотел. Митьша подошел к одному дому, свернул в узенькую улицу и побрел один.

Под окном одного дома две девочки громко выкрикивали: „батюшка с матушкой сотворите святую милостыню христа ради“... Из окна бросили им кусок хлеба, и девочки быстро побежали к другому дому.

Митьша подошел к этому дому.

— Дединька, дай хлеба. Исти хочу...

И когда ему отказали, Митьше стало плохо. Он хотел разозлиться, либо заплакать. Но побрел дальше.

— Тетинька, малынький на хлеб... выводит какой-то татарченок с полной котомкой. Подошел и Митьша. Выбросили кусок хлеба. Татарченок схватил и быстро положил в котомку. Митьша потребовал разделить, тот отказался. Митьша стукнул его по затылку и кусок отнял.

В следующие дни Митьша научился уже и просить так, что ему реже отказывали.

Один день он даже лег на дороге для того, чтобы больше собрать.

А потом, когда стали плохо подавать даже и тем, кто умеет просить или лежачим, он стал водить слепого. А слепой собирать умел. На людной улице и у цирка он распевал песни, а когда проходил по рынку—цел псалмы и молитвы, как дьячок.

Митьша как-то раз видел, как тьма ребятшек больших и маленьких, одинаково одетых, шла по улице. Вперед шли мужики с золотыми трубами, а один с бочкой на пузе. Митьша побежал за ними. На большой улице у красного дома загремела и загрохотала музыка. Митьша попробовал узнать—как бы попасть жить вместе с этими ребятами.

Разыскал детский дом, но там его не приняли. Переполнено все, некуда. Митьша еще пошел в одно учреждение, там ему просто сказали, что никаких ребятшек тут не принимают.

Отец и мать слепого поехали в другой город и взяли с собой слепого. Митьше теперь снова придется одному ходить по городу.

Но вот Митьша вскоре нашел и заработки. Просил как то раз он хлеба, просил умеючи, а ему говорит мужик, что работать, дескать, надо.

— Где ее сыскать-то. Поработал бы, кабы сыскать...

— Давай-ка вот переломи поленицу и хлеба дам.

Митьша обрадовался, хоть это совсем не „заработки“—думал, как и Васька Дунин попадет слесарить. Ну да все одно—работать...

А хорошо бы заработки то сыскать—думал Митьша.

— У меня брат нашлась бы для тебя работа, да побираться то легче, лучше.

— Говорю, на заработки ехал—обиделся Митьша,—какой ни есть заработок...

Митьша, когда водил слепого, жил вместе с ним, а теперь приходится снова ночевать на станции.

— Утром пришел Митьша на работу.

С утра возился во дворе, подбирал разный хлам, чистил хлев, а днем хозяин навязал ему старое ведро да таз и послал его собирать по улицам ведра, тазы, рукомойники для починки—у хозяина была „мастерская“. Митьша бродил по ближним улицам и дворам, далеко зайти боялся заблудиться и робко кричал: старые ведра, тазы починяю. Кому старые ведра...

В этот день Митьша никакой работы для хозяина не набрал, хозяйское ведро да таз только понапрасну целый день таскал.

— Тут под носом ходил, так где набрать то. Надо подале ходить, даром, брат, кусок не дам.

Сегодня Митьше он дал кусок хлеба, ну так ведь он утром работал.

У хозяина еще работало три таких мальчишки. Так же поутру он навязывал им, как и Митьше „приманку“—старое ведро или таз, чтобы верили, что в самом деле собирают для мастерской.

Бывали и сейчас дни, когда он не приносил хозяину работы, и тот не давал хлеба.

— Не даровой у меня хлеб то. Зря не дам.

А дело, должно быть, было выгодное, потому что хозяин ваял еще двоих.

Изредка хозяин давал Митьше работу около себя в мастерской. Митьша уже почти слесарил. Хозяин давал ему делать заклепки, а иногда даже и починку. А платил попрежнему куском хлеба. Только хлеб он давал Митьше не после того, как он принесет «работу», не вечером, а утром. А то Митьша едва держится на ногах, лениво бродит по улицам и собирает не работу для хозяина, а куски.

Забрел раз в какую-то казарму. Там Митьшу накормили и сказали, чтобы он приходил и завтра, и послезавтра...

На стене в казарме висел Ленин с Троцким. Митьша впервые увидал их.

Про них красноармейцы много разговаривают. Один красноармеец, как будто Мишка Останин, много рассказывал про Ленина.

„товарищ Ленин сказал, что для крестьянина надо“...

Митьша внимательно и жадно присматривался к красноармейцу, — как есть Мишка Останин и удивлялся, что он видно знает с Лениным: Ленин ему сказывал, что то про крестьянина, только про какого Митьша не понял.

А сказывали, что до Ленина и не доберешься. А он должно не в Москве, а тут... Вот „Мишка“ с ним и разговаривает.

Как то заговорили о том, что Ленин выздоровел. Когда Митьша выходил за ворота, на поляне перед казармами строем стояли солдаты, с краю стояла музыка, как та, которая шла с ребятишками. Около рядов шли комиссары. Митьша подумал, что вот Ленин наверно тут и идет и спросил у часового у ворот:

— А который Ленин?

Вскоре красноармейцы ушли в лагерь, за город, верст за шесть. Митьша теперь снова остался только на заработке.

Наступило уж лето. Митьша невольно подумывал, что толку тут, на такой работе не будет, а хорошо пожалуй было бы отправиться сейчас на работы в деревню. Там сейчас работников пожалуй уже надо.

Ходил по городу собирать „работу“ хозяину и попутно просил милостыню: он решил, что надо бы поддержаться для того, чтобы хватило сил работать в деревне.

— Сейчас уж надо на огороды. А там и страда близко.

И хорошо, что Митьша сам в пору подумал об этом. Вскоре хозяин его уволил.

Как то раз приходил служащий из какого-то учреждения. Расспрашивал хозяина, а потом Сеньку и Митьшу—они как раз работали во дворе. Спрашивал, что они делают у хозяина, как живут, что им дает хозяин за работу. Сенька с Митьшей и рассказали все, как было и как есть.

Потом служащий составил протокол и ушел. Хозяин с кулаками набросился на Сеньку с Митьшей.

— Ну дак ведь ты, дядишка, ничего не наказывал..

— Сукины дети, кормишь вас, а тут... Ведь, курва экая расписал, что размазал, как... Стервина.. Хозяин расевиренел и ударил Сеньку.

Сенька заорал, хозяин вдруг перестал кричать, но, подсакивая с кулаками к Сеньке с Митьшей, прошипел:

— Ну и иди куда лучше... Да и ты тоже... Кормишь, а тут... Стерва...

Митьша сразу, остался без заработка и без квартиры. Незадолго до этого, хозяин сказал, что Митьша может спать у него на сеновале.

— Все одно надо приглядывать за коровами. Кабы не увели... Воровство то страсть как... Вот бы и спал, да и стерег.

Хозяин спал дома, но выходя на двор, он частенько „проверял“ Митьшу, и будил шипел:

— Ты чо это и минутку не посидишь, дрыхнешь только. Уведут корову то. А тут кормишь.

Ночевал Митьша на станции. Теперь мужиков и баб на станции стало меньше, сидят на своих узлах-стерегут. Ребятишки бродят по платформе и около буфета, собирают с полу все, что только хватит сил затолкать в рот.

Митьша тоже вышел на платформу. Посидел на подставке у жестяного бака с водой, а потом пошел поглядеть у кого бы попросить кусок хлеба.

Мужик с кокардой брякнул в колокол—говорят, что поезд вышел с ближней станции.

Минут через пятнадцать поезд подошел. Митьша бродил среди суетящихся пассажиров и уж перестал просить—совсем не узнаешь, у кого можно попросить.

Маленьким ножичком барышня чистит репу. Митьша остановился и, когда она повернулась и быстро побежала в станцию, схватил обрезанную шедуху и стал есть.

— Не легко видно сыскать заработки то, — думал Митьша,—чо и делать в городе, толку то на этом не будет. В деревню надо... Пока на огородах, а тут и страда...

Перед отходом поезда Митьша залез в теплушку.

Дали три звонка. Паровоз просвистел и дернул—все вагоны ткнулись в одну сторону, дернул еще—все толкнулись в противоположную сторону. Привешанный на стене чайник загремел.

Потом поезд пошел ровнее. Какой-то солдат спросил Митьшу, куда он едет.

— В деревню. На страду надо...

— Где тут до страды. Какой из тебя работник-от?—кто то заметил.

— Кто только и возьмет. На ногах то стоишь-ли?

— Да покормиться бы день-два вот и работник. Только вот теперь отошал. А то день два и работник. Небось, работал...

Н. Шушканов.

Будущая энергия.

По мере того, как механический труд вытесняет ручной, как машина заменяет рабочего на фабрике, а паровая и автомобиль заменяют лошадь и вола, вопрос об источниках энергии становится все более острым. Нефть и каменный уголь являлись до сих пор главными поставщиками той энергии, которая питает промышленные предприятия и транспорт, и даже сельское хозяйство переходит постепенно от традиционного плуга к механическому трактору.

Между тем запасы каменного угля и нефти весьма ограничены. Приходится добывать их с все большей затратой труда, и в сравнительно недалеком будущем многие из этих источников энергии окончательно иссякнут.

В то время, как по лицу всей земли развернулась мировая борьба за уголь и нефть, научная мысль лихорадочно ищет новых видов преобразования энергии. Речь идет, конечно, только о преобразовании известной формы скрытой потенциальной энергии в живую, кинетическую энергию, а не о создании энергии.

Ибо в основе современной науки лежит принцип сохранения энергии, которая меняет формы своего проявления, но никогда не разрушается, не уничтожается, и никогда не создается. Мечты о perpetual mobile (вечном двигателе) давно похоронены; уже давно все ученые корпорации и академии постановили не рассматривать ни одной работы, ни одного изобретения подобного рода.

И однако наука открывает все новые и новые источники энергии, которая скрывается в природе часто в такой форме, что только многолетние поиски и тщательные открытия позволяют обнаружить ее.

Прогресс техники за последнее столетие привел не только к лихорадочной разработке недр земли, но и к использованию высших источников энергии: силы ветра и водопадов. Ветряные и водные двигатели чрезвычайно усовершенствовались. В настоящее время производятся колоссальные работы по использованию энергии морских приливов и отливов.

Однако все это не может покрыть все возрастающий расход энергии. Ветер — слишком слабый и изменчивый поставщик живой силы, а морские приливы пока еще слабо использованы и могут обслуживать только приморские местности. Водопады и реки также не могут дать значительного увеличения запасов энергии.

Между тем век пара сменился веком электричества, которое является наиболее удобной формой энергии, так как его легко преобразовать в любую иную форму: механическую, термическую (тепловую) и химическую, и столь же легко получить из них. Эти преимущества электричества, в связи с той легкостью, с которой его можно передать на самые отдаленные расстояния, обеспечили ему быструю победу в мировом хозяйстве.

В то время, как техника, изоцрилась в использовании электричества, наука старалась выяснить его основные свойства в связи с основными свойствами материи.

Эти работы привели к современной теории строения атома, который, полагают, состоит из центрального ядра, заряженного положительным электричеством, вокруг которого заряженные отрицательным электричеством, электроны движутся по определенным орбитам. От количества и расположения электронов зависят химические и физические свойства атома. Хотя расположение и движение электронов еще не изучены полностью, однако новейшая теория получила в общих чертах полное подтверждение в целом ряде опытов и сама послужила для объяснения ряда явлений. Вместе с тем перед наукой встала проблема разложения атома, ибо он содержит громадный запас энергии, который связывает электроны и дает им движение.

До сих пор мы используя энергию угля, например, получали от одного килограмма — 6—8000 калорий тепла. По новейшей же теории этот килограмм содержит гораздо больше энергии, около 23 миллиардов калорий, которых было бы, по словам одного нашего академика, достаточно, чтобы в течение двух лет поддерживать движение

тех трех пар поездов, которые ныне совершают свой перегон между Москвой и Петроградом. Какая колоссальная сила связывает электроны в атоме, и каким неисчерпаемым и универсальным источником энергии мы бы располагали, если бы нам удалось разбить атом и освободить электроны.

Радий тем именно замечателен, что его атом самопроизвольно разлагается, он постоянно выбрасывает электроны. Новое вещество, полученное таким образом, испускает лучи и в свою очередь видоизменяется, и этот процесс получения энергии и физических трансформаций образует целый ряд явлений, каждое из которых обозначается особой буквой греческого алфавита. Энергия, выделяемая радием, проявляется между прочим тем, что температура окружающей его среды подымается на 2° по Цельсию. Однако, хотя радий выбрасывает непрерывно миллионы мельчайших частиц движущихся с колоссальной скоростью, тем не менее полное разложение одного грамма радия потребует не менее 3000 лет. Эту энергию, следовательно, очень трудно скон-

центрировать, тем более, что радиоактивные вещества встречаются в минимальных количествах и обыкновенно смешаны с большим количеством нерадиоактивных веществ. Кроме того, мы до сих пор не в состоянии регулировать процесса разложения радия, мы не в состоянии ни задержать его, ни ускорить.

Между тем, очевидно, что если великая проблема искусственного разложения атома будет разрешена, то скорее всего это будет достигнуто при помощи энергии сходной по форме с той, которая связывает электроны атома, т.е. используя освобождающуюся энергию радиоактивных веществ. По этому пути пошла современная физика, и если ее достижения представляют пока только чисто научный, теоретический интерес, они тем не менее дают полное основание надеяться, что недалек час, когда тайна строения атома будет окончательно разгадана, и колоссальная энергия, в нем заключающаяся, освобождена будет и использована.

З. Папернов.

Изучение труда.

Изучением времени и движений в технике впервые занялись в Америке, где появились классические труды Тэйлора и Жильбрета.

Тэйлор, исследуя работы лучших рабочих, определял кратчайший срок, необходимый для определенных производственных операций. Эти сроки слагались, затем прибавлялось некоторое количество времени на неизбежные потери времени, принималась также во внимание разница между производительностью среднего рабочего и более искусного, и таким образом определяли время, в течение которого рабочий должен выполнить заданную ему работу. Затем, если рабочий успевал выработать больше установленной нормы, он за это получал особое вознаграждение по более высокому тарифу.

Жильбрет обратил главное внимание на изучение движений, методов работы. Он пытался исключить лишние, ненужные движения и определить минимальное количество движений, необходимое для выполнения определенных операций.

Фармер, в своем докладе по вопросу о промышленной усталости, критикуя работы Тэйлора, указывает, что самым важным критерием при исследовании рабочих дви-

жений является не скорость движений, а скорее их ритмичность.

Следует делать отбор не самых быстрых движений, а самых легких для рабочего. Самые быстрые движения могут привести к лишнему напряжению сил рабочего и к лишней усталости. Рука работающего должна описывать кривую линию, без всяких перемен в направлении, а не прямые линии. Хотя Фармер и не искал повышения производительности труда, однако при ритмических движениях рабочего, его производительность всегда возрастала до 38—50% в некоторых случаях, которые он приводит в своем докладе. Но это можно сохранить только в течение известного времени. Когда к концу рабочего дня рабочий начинает уставать, его движения становятся более отрывистыми, вместо непрерывной кривой его рука делает ряд коротких прямых движений, промежутки между ними все более удлиняются, и сами движения становятся более медленными. Рабочий делает большие усилия, налегает с большей силой, чем это необходимо, на инструмент и таким образом не только работает медленнее, когда устает, но и тратит гораздо больше сил, чем в начале рабочего дня.

З. Папернов.

К профсоюзам.

Мысль об издании своего журнала на нашем Рабфаке зародилась еще в конце 1920 г. Тогда же и был выпущен первый номер нашего журнала „Студент Рабочий“, а настоящий номер является всего лишь седьмым.

Ставя перед собой совершенно определенную задачу—освещение состояния факультета: его общей учебной и организационной работы, работы студенческих объединений и способствуя выявлению творчества студентов—наш журнал должен был выходить более равномерно, аккуратно, но на деле он зависел на всем протяжении своего существования от той или иной случайности.

Рабфак не обладал и не обладает достаточными средствами для того, чтобы

взять на себя издание журнала при условии его бесплатного распространения. А при издании журнала на средства наших общественных организаций—опять таки не обеспечивается его регулярный выход.

Поэтому для упорядочения выхода журнала Политпросвет Рабфака обращается к профсоюзам с просьбой распространить журнал за плату среди низовых профессиональных организаций.

На эти средства Политпросвет предполагает начать издание нашего журнала на началах хотя бы частичной самоокупаемости.

Политпросвет Рабфака Уралуниверситета.

Рабфаковцы! вам много дает пролетарское государство—много с вас и спросится.

Редактор: Редакционная Коллегия.

Издатель: Политпросвет Рабочего Факультета Уралуниверситета.

25 к

